

КАВКАЗЪ.

157

№ 76

1852. № 76.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50
Полугодовое 4 . 50 к.
Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всехъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:
въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петерб. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. Исакова, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

СРЕДА.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЯ 3-го.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Командиру 1-й бригады 20-й Пѣхотной дивизіи, Нашему Генералъ-Маіору Волкову 1-му.

Въ награду за усердную службу вашу, отличную распорядительность во время движеній и дѣйствій бывшаго подъ начальствомъ вашимъ Самурскаго отряда и вообще за примѣрную дѣлательность и полезные труды ваши, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ, по за видѣтельствуванію Главкомадующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего *Св. Станислава первой степени*, коего знаки при семъ препровождаясь пребываетъ къ вамъ благосклонны.

На подлинной Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ, Ноября 7-го дня 1852 года.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.- Петербургѣ.

Ноября 10-го дня 1852 года. Переводятся: Кавалергардскаго Ея Величества полка Поручикъ *Князь Трубецкой* въ Навагинскій пѣхотный полкъ, Капитаномъ. Состоящіи по Арміи Капитанъ *Яншау*, въ Мингрельскій Егерскій полкъ. Тенгинскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ *Кіовъ*, въ Уланскій Его Королевскаго Высочества Принца Фридриха Виртем-

бергскаго полкъ, съ переименованіемъ въ Корнеты. Ноября 11-го дня. Назначается Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 4-го Подпоручикъ *Петраповскій*, Плацъ Адъютантомъ въ г. Тифлисѣ съ зачисленіемъ по Арміи. Опредѣляется въ службу. Уволенный изъ Пѣхотнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка Прапорщикъ *Гандуринъ*, въ Грузинскій Ливійный баталіонъ № 11-го. Увольняется *отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ*. 6 Резервнаго баталіона Самурскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ *Кашанскій*, Подпоручикомъ. Грузинскаго Резервнаго Ливійнаго баталіона Поручикъ *Никоновъ*, Штабъ-Капитаномъ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами: ордена *Св. Анны третьей степени съ бантомъ*: въ награду за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ съ Горцами въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, въ землѣ непокорныхъ Натухайцевъ, Черноморскихъ Ливійныхъ баталіоновъ: № 3-го Штабъ-Капитанъ *Патковскій* и № 13-го Поручикъ *Красовскій*. Ордена *Св. Анны четвертой степени съ надписью: «за храбрость»*: въ награду за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ съ Горцами въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, въ землѣ непокорныхъ Натухайцевъ, Штабъ-Капитаны, Черноморскихъ Ливійныхъ баталіоновъ: № 1-го *Оловьевскій*, № 3-го *Закржевскій*, № 4-го *Докучаевъ* и *Вороповъ*, № 14-го *Сонинъ* и № 15-го, Старшій Адъютантъ Штаба Начальника Черноморской береговой линіи *Тележничкій*; Поручики Черноморскихъ Ливійныхъ баталіоновъ: № 14-го *Томкеевъ* и *Галицкий* и 1-го Подпоручикъ *Зеленскій* 2-и. Бантомъ къ имѣющемуся

ордену *Св. Анны третьей степени*. Въ награду за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ съ горцами въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года въ землѣ непокорныхъ Натухайцевъ, Черноморскаго Ливійнаго № 13-го баталіона Капитанъ *Личковскій*.

ТИФЛИСЪ.

Его Свѣтлость Князь Намѣстникъ Кавказскій изволило отдать, Ноября 27, въ Тифлисѣ, слѣдующій приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

Для наказанія непокорныхъ горцевъ, обитающихъ въ верховьяхъ большой Лабы, и содѣйствія къ переселенію на Кубань Башильбаевцевъ, изъявившихъ на то желаніе, Начальникъ Праваго фланга, съ отрядомъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, девятнадцати сотенъ кавалеріи, четырехъ съ половиною сотенъ милиціи, при десяти орудіяхъ, двинулся 5-го Ноября чрезъ Ахметовское укрѣпленіе къ Тамовскимъ ауламъ. На другой день, присоединивъ къ себѣ пятьдесятъ семействъ Башильбаевскихъ переселенцевъ, отрядъ перетрещилъ аулъ Джебокой и расположился на ночлегъ. 8 числа, для атаки главнаго Тамовскаго аула, Генералъ Евдокимовъ направилъ колонну подъ начальствомъ Полковника Кем-

ФЕЛЬТОНЪ.

Возвращеніе.

(Продолженіе.) (*)

На другой день и гола была сырая и холодная, но дождь пересталъ. Отблагодаривъ своего суровато-хозяина, мы пустились снова въ путь. Большой наш товарищ поправился, мы сами отдохнули и, благодаря буркамъ, въ которыхъ мы лежали какъ въ теплыхъ непромокаемыхъ ящикахъ, не слишкомъ озлоблены, и съ новою бодростью приготовились на новыя путия впечатлѣнія.

Дорога до Очемчиръ или, правильнѣе, мѣсто назначенное для дороги, стелется по морскому берегу между камышами.— Лошадямъ довольно было трудно подвигаться по глубокому песку; но подобнаго рода путевое препятствіе входитъ въ рядъ обыкновенныхъ, извѣстныхъ на святой Руси.—Объ вѣмъ слѣдовательно, нечего распространяться. Впрочемъ, тутъ же у берега разсыпанъ въ изобиліи мелкій булыжникъ съ гравіемъ, такъ что когда Сухумская дорога устроится и начатыя работы и предположенія осуществятся окончательно, то этому горю пособить будетъ весьма не трудно. Часу въ 11-мъ мы пріѣхали въ Очемчиръ—большое мѣстечко съ значительнымъ турецкимъ базаромъ. Въ дѣво, на довольно пространной площади, возвышается не совсемъ оконченнаго еще домъ Владѣтеля, востроенный

изъ каштановаго дерева.—У насъ изъ каштана дѣлаются табакерки, а здѣсь строятся дворцы.—Широкій балконъ въ турецкомъ вкусѣ, изукрашенный кружевной рѣзбой, занимаетъ уступами весь фасадъ зданія, а съ бока къ нему примыкаетъ наружная лѣстница. Здѣсь предполагается зимнее пребываніе Владѣтеля.—Лѣтомъ онъ обыкновенно живеть недалеко отъ Бамборъ въ Сукусу, въ живописномъ ущельѣ.

Не смотря на наши позятыя наряды и вовсе непредставительную наружность, мы, пока мѣняли намъ лошадей, отправились къ балкону, на которомъ толпились нукера и прислуга княжеская, и просили доложить о своемъ пріѣздѣ.— Впрочемъ мы уже все были хорошо извѣстны Его Свѣтлости по Боржому, гдѣ провели вмѣстѣ часть лѣта; насъ ввели въ отдѣльную часть дома и мы застали у Владѣтеля двухъ почетныхъ гостей: Начальника черноморской береговой линіи и Начальника втораго отдѣленія. Они сидѣли въ комнатахъ, устланной роскошными коврами, передъ пылающимъ турецкимъ каминномъ. На столѣ стояла заманчивая закуска.—Князь принялъ насъ съ свойственнымъ ему радушіемъ, уютилъ роскошнымъ завтракомъ и предложилъ отдохнуть и переночевать, но мы все думали о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, мы не путешествовали, а ѣхали, т. е. спѣшили, знали, что насъ ожидаютъ и беспокоятся о насъ.

О, если когда нибудь въ другой разъ судьба приведетъ меня въ этотъ чудный край, котораго я видѣлъ только берега и то черезъ дождевую челену, я пріѣду не съ тѣмъ, чтобъ торопиться отъѣздомъ,

а съ тѣмъ, чтобъ погостить подлѣ гостепріимнымъ княжескимъ кровомъ, чтобъ побывать и въ Бедіѣ, и въ Илори, и въ древнихъ храмахъ, которыми такъ богата Абхазія; и въ чудныхъ ея ущельяхъ и горахъ, я прислушаюсь къ народнымъ повѣрьямъ, гдѣ язычество смѣшивается съ христіанскимъ ученіемъ, и пошучу на княжескихъ охотахъ и полюбуюсь широкими разбѣрами неприкосновеннаго феодализма. Тогда я вамъ представлю не обглытый путевой очеркъ, а цѣлую картину страны, которой нѣтъ подобной въ Европѣ и объ которой живописный Шьмонъ можетъ дать только слабое понятіе.

Но теперь казакія лошади готовы (въ Очемчирѣхъ казакія посты). Княжескія лошади паслись въ табунахъ, ихъ ожидать нужно было бы сутки, а погода прояснилась, время было дорого. Солнечный лучъ блеснулъ на снѣговыхъ вершинахъ.—Мы простились съ Абхазскимъ дворяниномъ—нашимъ провожатымъ, просили его кланяться князю Дмитрію и самъ Владѣтель поблагодарилъ его за службу. Съ нимъ уѣхалъ и чапурханъ, а мы послѣ трехъ-часоваго и лѣтнаго отдыха, раскланявшись съ владѣтельнымъ хозяиномъ, опять сѣли на коней; нѣсколько верстъ проехали мы по зеленой рошѣ, а потомъ снова очутились на песчаномъ берегу нашего знакомаго Чернаго моря; прибой по прежнему вылъ и рвался на прибрежные камыши. Мы прощались верстъ 20 безъ всякаго приключенія; кромѣ приключившейся усталости и наступившей темной ночи. Подъѣхавъ къ Турецкой деревнѣкъ и переправившись на паромѣ черезъ небольшую рѣку, мы остановились для ночлега.— Я забылъ сказать, что благодаря вниманію Начальника втораго отдѣленія, съ нами ѣхалъ

(*) См. № № 71, 72 и 74.

ферта, которая ворвалась въ него и предала огню сакли; жители, опасаясь быть отрѣзанными движеніемъ другой колонны подъ начальствомъ Полковника Ягодина, не смѣли защищаться и поспѣшно бѣжали, при чемъ не мало ихъ погибло; въ числѣ тѣхъ брошенныхъ на мѣстѣ остался важнѣйшій Тамовскій Старшина Баже-Зарумовъ, известный непримиримой къ намъ враждою. Въ тоже время были истреблены аулы Кюсацъ-Камордувъ и Сюнь-Желкеревъ. 6-го числа отрядъ двинулся чрезъ Пешенскій лѣсъ и отразивъ нападеніе горцевъ съ значительно для нихъ потерей, прибылъ 8-го числа на Каладжинскія высоты, откуда распущенъ по квартирамъ.

У насъ убиты два милиціонера и ранено тринадцать нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ. Неприятель, кромѣ урона въ людяхъ, понесъ весьма важную для него потерю: четыре аула уничтожены совершенно, два выселены на линію, истреблено огромное количество сна и другихъ запасовъ на всемъ пространствѣ пройденномъ отрядомъ.

Объявляя объ этомъ по вѣренному мнѣ войскамъ, считаю долгомъ выразить мою признательность Генералъ-Маіору *Евдокимову* и благодарить Полковниковъ: *Ягодина*, *Рудановскаго*, *Кемферта* и *Мещерилова*, Подполковниковъ: *Алчина* и *Вельшевскаго*, Маіора *Лукьяченкова*, Войсковаго Старшину *Есакова*, Есаула *Понка*, равно всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ и милицію, въ означенномъ отрядѣ находившихся.

Собраніе Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

1852 года, ноября 29 дня, въ домъ Его Святлости Господина Намѣстника Кавказскаго происходило 13-е засѣданіе Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Засѣданіе открыто было чтеніемъ протокола предыдущаго засѣданія. Секретаремъ Общества представленъ былъ краткій отчетъ объ исполненномъ по дѣламъ Общества со дня послѣдняго засѣданія, бывшаго 22-го апрѣля, по настоящее время, и представлены были получен-

ныя на имя Общества бумаги и образцы, между коими особенное вниманіе обратило на себя донесеніе состоящаго при тифлисской опытной фермѣ и ботаническомъ садѣ ученаго садовника Эллера, о сдѣланномъ имъ въ нынѣшнемъ году опытѣ вторичнаго вывода шелковичныхъ червей и добыванія шелка, причѣмъ представлены были образчики коконовъ помянутыхъ червей, ни въ чемъ не различающіеся отъ тѣхъ, которые были сдѣланы въ первый разъ выведенными въ нынѣшнемъ году шелковичными червями. Общество положило: донесеніе садовника Эллера перевести на русскій языкъ и напечатать. Доложено было Обществу о полученіи въ Тифлисъ выписанныхъ Обществомъ для нѣкоторыхъ изъ гг. Членовъ земледѣльческихъ машинъ изъ Москвы, о предлагаемой выпискѣ изъ Америки лучшихъ ручныхъ машинъ для очищенія хлопчатой бумаги и объ исполненіи состоящимъ при Обществѣ сортировщикомъ шерсти г. Дебиттамомъ возложеннаго на него порученія—осмотрѣть различныя породы здѣшнихъ овецъ въ мѣстахъ ихъ лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ, о чемъ имъ представлено подробный отчетъ и собраны пробы всѣхъ туземныхъ шерстей здѣшняго края. Общество положило: передать донесеніе Дебиттама на разсмотрѣніе Д. Ч. Ю. О. Витте.—Читана была записка Д. Ч. Аржевадзе—Макарова о сдѣланномъ имъ опытѣ добывать изъ семянъ подсолнечника масло, изъ выжимокъ хорошей кормъ для скота и изъ ствола растенія поташъ. Общество положило: записку эту напечатать въ издаваемыхъ здѣсь газетахъ для свѣденія любопытствующихъ о семъ предметѣ.—Д. Чл. О. О. Пенчинскій, какъ Членомъ Комитета бывшей въ Тифлисъ въ октябрѣ сего года огородной выставки, представлено и прочтено было донесеніе Комитета о помянутой выставкѣ. Общество положило: передать это донесеніе въ Советъ Общества и затѣмъ напечатать оное въ газетахъ.

Д. Чл. П. С. Хрециатскій сообщилъ Обществу записку объ устроенной имъ весьма простой и весьма дешевой водочистительной машинѣ, которую положено напечатать. Д. Чл. А. Б. Иванчикъ представлено

назвѣныя картины.—Рельефъ бурнаго моря прекрасно согласовалось съ величіемъ Кавказской природы. Мы ѣхали берегомъ пораженные и безмолвные. Проѣхавъ 7 верстъ, мы остановились на казачьей посту,—чтобы немного согрѣться. Хорошая чистая, выѣленная, комната съ большой русской печью, съ досчатымъ поломъ, показала намъ чудомъ роскоши въ сравненіи съ нашими пологами. Въ особенннсти удивили насъ крѣпкія сплошныя стѣны безъ щелей и дыръ. И надо признаться, не безъ зависти взглянули мы на казаковъ и ихъ теплое жилище, послѣ чего мы снова потащились по глубокому песку вдоль приморскаго берега. Такъ наконецъ доѣхали мы до Анаклія,—гдѣ широкая рѣка Ингуръ впадаетъ въ море.—Тутъ начинается Мингрелія и оканчивается Самурзакъль, берегомъ коей мы ѣхали цѣлое утро.

На самомъ берегу Ингура видны по другую сторону въ лѣво живописныя развалины древней крѣпости посреди чащи деревьевъ, саклей и духановъ.—Мы переправились на паромѣ, поотдохнули въ духанѣ, съѣли опять курицу,—вообще здѣсь кромѣ курицы ничего и достать нельзя въ цѣломъ краѣ,—и потомъ повернули въ лѣво, прошившись окончательно съ Чернымъ моремъ. Офицеръ и кондукторъ вѣдомства путей сообщенія продолжали путь до Редуть-Кале, отстоящаго въ 14 в. отъ Анаклія. Намъ же предстояло проѣхать до Зугдидъ около 30 верстъ. Къ сожалѣнію небо становилось снова пасмурно, набѣжали тучи и легли на небесномъ сводѣ свинцовой шапкой. Скоро пошелъ дождь, сперва небольшой, а потомъ все сильнѣй и сильнѣй. И не

была записка объ изготовленіи водопроводныхъ трубъ—причемъ представлены имъ были и самыя трубы; замѣчательный по прочности, дешезвизитъ и простотѣ приготовления. Общество положило: описаніе приготовления этихъ трубъ сообщить на лучшей здѣшней шерстяной заводъ и послать на образецъ одну изъ трубъ.

Предложены и избраны были въ Дѣйствительные Члены Общества: помѣщикъ С. Петербургской губерніи Маврикій Казинскій, Бакинскій Узденскій Начальникъ Титулярный Совѣтникъ Дементьевъ и тифлискаго уезда помѣщикъ Князь Гиви-Гурамовъ.

ЗАПИСКИ О ПЕРСІИ

II.

Чтобы убѣдиться во врожденной наклонности Персіянъ къ изящнымъ искусствамъ, достаточно прослѣдить исторію народовъ Ирана съ отдаленнѣйшей эпохи до нашихъ временъ. Мы увидимъ постоянную борьбу народнаго инстинкта съ безпрестанно-возникающими затрудненіями и постоянное торжество его надъ препятствіями. Исторія искусствъ въ Персіи представляетъ намъ величественное и вмѣстѣ скорбное зрѣлище, зрѣлище, полное драматическаго интереса и высокихъ поученій.

До Кира Персія представляется намъ дачницею Ниневіи. Персы, которыхъ я смѣшиваю съ Мидянами, потому что два эти племени составляли одинъ народъ, не приобретаютъ, повидимому, ничего отъ соприкосновенія съ Ассиріянами, далеко опередившими ихъ на поприщѣ образованія, до того времени, когда сдѣлавшись обладателями Ниневіи и Вавилона, они могли созерцать тамошніе памятники и перевезти въ отечество значительную часть ихъ. Только тогда возникаетъ здѣсь свѣтлая и роскошная цивилизація, отчасти подъ влияніемъ искусствъ, составившихъ уже издавна достояніе и славу Вавилона. До этой эпохи, правда, существовалъ въ Мидіи славный городъ Экватана; но сколько

смотря на эту враждебную погоду, не лѣзя было любоваться краемъ или лучше сказать садомъ, по которому мы ѣхали.—Почти около каждаго дерева висала виноградная лоза съ тяжелыми гроздіями, со всѣхъ сторонъ раздавались веселыя восклицанія крестьянъ, карабкающихся на деревья и кидающихъ въ корзины кисти винограда, насажденнаго самою природою и не требующаго отъ нихъ никакого другаго труда. Отъ времени до времени раздавалось пронзительное, свойственное Мингрельцамъ,—ауканье, которое рѣзко отдѣлялось отъ журчанья ручейковъ и рѣкъ.—Въ Мингреліи есть свой особый шумъ. Тутъ участвуютъ, и люди, и потоки, и деревья, и насекомые, и лѣсные звѣри, а голоса ихъ сливаются въ какой-то странный, убаюкивающій говоръ; здѣсь повсюду встрѣчается поселене съ плоской папанахой, надѣтой въ видѣ тарелки на подстриженные въ кружокъ и густые, дремучіе какъ окружающіе лѣса, волосы—и въ чертахъ ихъ вы не увидите ни суроваго любопытства, ни грозной ненависти; напротивъ того они вамъ привѣтливо улыбаются, кланяются, здороваются, предлагаютъ винограда, приглашаютъ къ себѣ.—Кое-гдѣ изъ поля густаго налѣса деревьевъ, повиситесь плочемъ и виноградными лозами, показывается сакля и у плетня глядя на васъ группируются двѣ или три женщины бѣлокурыя, съ большими голубыми глазами, съ гибкимъ стройнымъ станомъ. Остановитесь, взгляните на эти правильныя лица, на этотъ рѣзкій типъ аристократической красоты.—Да нѣтъ не останавливайтесь, не заглядывайтесь, опустите баныкъ на глаза... До Зугдидъ еще далеко, а дождь льетъ лив-

можно судить по описаніямъ, оставшимся въ исторіи, это была скорѣе укрѣпленная резиденція царя, хранившая его могущество и сокровища, нежели столица государства, знакомаго съ искусствами. По рѣдкимъ остаткамъ древности, вокругъ новаго города, въ долинѣ Гамадана (*), я могъ убедиться лично, что древній городъ отличался болѣе гигантскими размѣрами своихъ зданій или прочностью гранитныхъ матеріаловъ, употребленныхъ на его сооруженіе, нежели изяществомъ архитектуры, еще невыработавшей тѣхъ великолѣпныхъ и стройныхъ формъ, которыя придаютъ ей такой интересъ въ послѣдствіи. Только во времена Ахеменидовъ возникло въ Персіи оригинальное искусство. Что было начато побѣдами Киаксара и Кира, на берегахъ Тигра и Евфрата, то было окончено побѣдами Камбиза и Ксеркса, на берегахъ Нила и въ равнинахъ Ионійскихъ. Художественный смыслъ Персовъ, незнавшій себя цѣны до того времени, развернулся посреди образованія Египетскаго и Греческаго. Видъ памятниковъ искусства, которыми эти народы уже обозначили свое мѣсто въ исторіи, какъ бы освѣтилъ сознаніе Персовъ, которые пришли туда простыми завоевателями, но возвратились въ отечество съ новыми идеями и стремленіемъ къ самобытному творчеству. Въ ихъ пылкое воображеніе запали неизгладимыя воспоминанія. Фивы, Мемфисъ, Эфесъ, Аѳины оставили живыя и крѣпкія впечатлѣнія въ ихъ умахъ. Каждый разъ при возвращеніи изъ отдаленной экспедиціи, нѣсколько воиновъ вступали въ свое отечество зодчими, живописцами, ваятелями, однимъ словомъ, художниками всѣхъ родовъ. Подобно пчеламъ, которыя вылетаютъ изъ улья для собранія добычи съ самыхъ красивыхъ и благоуханныхъ цвѣтввъ, они ходили также въ далекія странствія, чтобы приносить съ собою новыя идеи, образцы, если можно такъ выразиться, послужившіе зародышемъ ихъ образованія, значительнаго въ древнемъ мѣрѣ.

Такъ этотъ дикій, варварскій народъ, состоявшій изъ однихъ пастуховъ пока жилъ въ своихъ горахъ, устроился помощью по-

бдѣ, образовался отъ соприкосновенія съ народами, имъ побѣжденными. Во время своихъ походовъ, при видѣ храмовъ и зданій Греціи и Египта, Персы почувствовали въ себѣ потребность искусствъ и роскоши. Ону стошнвъ эти страны, они вынесли изъ нихъ зародыши цивилизаціи, самостоятельной, ибо нельзя не признать, что все у нихъ было оригинально и что воображеніе ихъ, возбужденное видѣніемъ, устремилось на обширное поле самобытнаго творчества, вмѣсто того, чтобы оставаться въ тѣсномъ пространствѣ подражанія и рабскаго копирования. Стоитъ только посмотреть на дворцы Персеполя, съ ихъ ложчатыми колоннами, ихъ завитыми капителями, чтобы видѣть, съ какимъ искусствомъ Персы, въ царствованіе Ахеменидовъ, умѣли принаровить Греческую архитектуру къ условіямъ своей страны. Безчисленныя скульптурныя работы, украшавшія эти великолѣпные памятники, употребленіе выпуклыхъ фигуръ или барельефовъ для систематическаго украшенія зданій, указываютъ правда на то, что они видѣли въ дворцахъ Финікійскихъ или Вавилонскихъ; но все-таки ихъ архитектура и ваяніе, если и возникли изъ идей, почерпнутыхъ въ Ассиріи, Греціи и Египтѣ, представляются однако въ то же время совершенно оригинальными. Въ архитектурныхъ деталяхъ Персеполя можно, конечно, узнать нѣчто Греческое: такъ парекія залы или храмы имѣютъ портики съ колоннами, и внутренность ихъ разделена другими колоннами, поддерживающими верхнюю часть. Колонны эти ложчатыя и оканчиваются изящною капителью, въ которой можно узнать Ионическій стиль; но цѣлое задумано, отдѣлано и украшено такимъ образомъ, что мысль о рабскомъ подражаніи стилю Греческому уничтожается сама собою: цѣлое капителей нисколько не подходитъ къ Греческимъ орденамъ, и архитравы зданій Персеполя поддерживаются фигурами животныхъ, замыкающими колонны. Однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ ничего рабскіа скопированнаго съ Греческаго или прямо почерпнутаго изъ Ассиріи и Египта. То же должно сказать о каменныхъ валахъ, предъ входами въ дворцы или о безчисленныхъ барельефахъ, украшавшихъ ихъ стѣны. Очевидно, что Персы замечивали этотъ

родъ украшеній изъ дворцовъ Финікійскихъ или гипогеевъ Египетскихъ; но въ дождеррми они значительно измѣнили перенятія формы. Поэтому можно положительно сказать, что нѣтъ ничего близкаго между скульптурою Ассирійскою или Египетскою и скульптурою Персеполя. Уже въ эту эпоху, отдаленную отъ насъ на разстояніе слишкомъ двадцати вѣковъ, обозначился ясно самостоятельный вкусъ Персовъ, отличающій его и въ наше время, и выразившійся въ чрезвычайной чистотѣ рисунка, изяществѣ и въ обыкновенной роскоши украшеній. Сравнимые съ памятниками Ассирійскими, Египетскими и даже Мало-Азійскими, памятники Персеполя представляютъ болѣе изящества, болѣе стройности въ пропорціяхъ, болѣе тонкости въ работѣ и особенно болѣе богатства въ украшеніяхъ.

Но если дворцы, храмы или произведенія ваянія могутъ бороться со временемъ, въ слѣдствіе прочности матеріала, другія произведенія человеческого искусства, къ сожалѣнію, не имѣютъ этого преимущества. Такимъ образомъ все воспоминаніе о Персидской цивилизаціи временъ Ахеменидовъ ограничиваются драгоценными остатками дворцевъ Ксеркса и Даріевъ, по которымъ, благодаря прекрасному обычаю украшать стѣны скульптурными работами, мы можемъ и теперь еще, по истеченіи двухъ тысячъ двухъ сотъ лѣтъ, составить понятіе о степени процвѣтанія некоторыхъ искусствъ въ древней Персіи. Способности Персіанъ къ ручнымъ искусствамъ, которой свидѣтельства сохранились въ прекрасныхъ барельефахъ дворцевъ Ахеменидскихъ, находятъ еще новое подтвержденіе въ колесницахъ, оружіи, мебели и богатыхъ матеріяхъ, на нихъ изображенныхъ. Повсюду виденъ этотъ изящный вкусъ и эта тонкость работы, которыя во все времена составляли характеристическую черту Персидскаго народа.

Какъ только эта нація почувствовала свои силы, и война показала ей, чѣмъ бы она могла быть, она быстро освоила себя, какъ мы видѣли выше, цивилизацію и искусство народовъ, опередившихъ ее въ развитіи. Грубыя одежды изъ звѣриныхъ кожъ смѣнились роскошными пурпуровыми и шерстяными;

(*) Гамаданъ есть древняя Экватана.

немъ.—И действительно дождь неистовствовалъ и рѣдкимъ гуломъ вѣшивался въ общій концертъ мингрельской природы.—Мы то вѣхали роцей, то выѣзжали на поляну, то переправлялись черезъ рѣку,—и вотъ опять роца и за ней опять поляна, и снова роца и ручьи. Попадется ли сезанинъ, спросишь—далеко ли, и онъ улыбнется и скажетъ: сейчасъ. Но это изъ вѣжливости, чтобы сказать вамъ, что забудь пріятное.—Что можетъ быть пріятнѣе путнику усталому и измокшему, какъ не вѣсть о близкомъ ночлегѣ.—Скоро наступила ночь, мы снова вѣхали въ какую-то роцу и заблудились. Поминутно переѣзжали мы черезъ какіе-то стремящіяся, разлившіяся отъ дождя ручьи,—скоро сдѣлалось такъ темно, что нужно было пустить впередъ всадника на бѣлой лошади, и эта бѣлая лошадь одна нѣсколько свѣтила во мракѣ какъ тусклый фонарь. За ней тянулся весь поѣздъ гуськомъ по изгибамъ, оврагамъ и лужамъ узкой дѣсистой дороги. Дождь не переставалъ ни на минуту. Бурки отяжелѣли, башлыки промокли насквозь, холодъ, голодь, сырость, мракъ заставляли путниковъ нѣсколько призадуматься. Наконецъ въ чащѣ дѣса блеснулъ огонекъ, за нимъ другой, третій.—Скоро показались большія тѣни строеній, улицы и большая площадь. Я подѣхалъ къ небольшому домику, вызвалъ какого-то Мингрельца знающаго по-русски, и довольно жалобно началъ просить убѣжище для мокрыхъ чивовниковъ. Мингрелецъ засуетился, на площади за бѣгаи фонари,—и два знакомые голоса весело пріѣтствовали насъ издали. Поѣздъ тронулся ко дворцу владѣтельнаго князя и съ крыльца вышли

къ намъ на встрѣчу наши добрые пріятели, князь Дмитрій Гуріель и полковникъ О. П. Ходзько. Они намъ объявили, что наши приключенія были уже извѣстны Владѣтелю, что онъ даже послалъ къ намъ на встрѣчу лошадей, которыя пошли ближайшей дорогой въ Анаклію и которыхъ мы потому не видали.—Для насъ же былъ приготовленъ въ княжескомъ саду особый павильонъ. Утомленные, забрызганные грязью, промокшіе до костей, пошли мы къ этому возжелѣнному пристанищу.—И представьте себѣ комнату, устланную коврами, съ большимъ пылающимъ каминомъ, роскошныя кровати съ атласными подушками и матрасами, накрытыми тончайшимъ бѣлымъ и персидскими шазевыми одѣялами, и посреди этой олицетворенной мечты усталого путника стоилъ съ бѣлой какъ снѣгъ скатертью, съ парижскимъ фарфоромъ и, что еще лучше, съ дымящимся сопошпѣ съ изысканнымъ обѣдомъ—произведеніемъ парижскаго повара.—Послѣ двухъ дней проведенныхъ верхомъ, въ водѣ со всѣхъ сторонъ, послѣ двухъ ночей проведенныхъ въ дыркахъ, дымящихся сакляхъ вдругъ попасть въ такой чудный пріютъ, какъ бы приготовленный благожелательной рукой невидимой волшебницы: не было ли это въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ тѣхъ отрывковъ изъ волшебныхъ сказокъ, которыми насъ такъ тѣшили въ молодости.—Но къ счастью тутъ вымысла не было, была дѣйствительность. Главный домоправитель Владѣтеля мингрельскій дворянинъ, самъ распоряжался нашими угощеніемъ.—Къ концу обѣда пришли къ намъ другіе княжескіе гости, голоса коихъ возвѣстили намъ конецъ нашимъ мукамъ. Бѣсѣда оживилась, огонь

весело трещалъ въ каминѣ, по жиламъ разливалась сладкая вѣга.—Хороши чудеса природы, но дары просвѣщенія одни даютъ цѣну жизнь. . . Мало по малу тихая дремота начала овладѣвать утомленными путниками. Богатое ложе манило въ свои пуховыя объятія.—Дождь неистово барабанилъ по окнамъ, но до него ужъ не было дѣла. Не помню какъ кончился вечеръ, помню только, что уже давнымъ давно было свѣтло, когда на другой день я проснулся.—Дождь шелъ по прежнему.—Мы одѣлись и пошла представиться Владѣтелю, и поблагодарить его за истинно княжеское гостепріимство. Мы шли мимо оранжерей по аллеямъ чудеснаго сада. Дворецъ княжескій еще не оконченъ, но половина, которую онъ занимаетъ, устроена со всей роскошью Европейскаго комфорта. Князь принялъ насъ ласково и радушно и представилъ княгиню и тутъ, благодаря задержавшему насъ дождю, въ первый разъ оказавшему намъ истинную услугу, пробыли мы цѣлый день.—Отъ этого дня осталось у меня въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. На родинѣ пріѣтливости и красоты, супруга Владѣтеля занимаетъ по всѣмъ правамъ первое мѣсто.—Много бы можно было сказать о благожелательномъ ея вліяніи на обновленную жизнь края, о томъ свѣтломъ значеніи которое избрано ею среди государственныхъ заботъ ея супруга. Но чтобы донести это значеніе вполнѣ надо видѣть Зугдиды, надо слышать благословенія народа.

(Оконч. съ слѣд. №.)

Въ 1858 г. въ Ревелѣ, а именно въ типографіи С. С. Смирнова.



тростниковыя хижины и шалаши были уничтожены, и на ихъ мѣстѣ воздвиглись каменные зданія, среди которыхъ выселились жилища царей, великолѣпнѣйшія въ цѣлой Азіи. Къ несчастію, Персія слишкомъ измѣнилась подъ вліяніемъ этой изысканной и роскошной цивилизаціи; она отучилась отъ побѣд. Персеполь былъ сожженъ Александромъ, и Персія поработена. Изъ обширныхъ владѣній ея лишь нѣсколько сатрапій избѣжали власти Македонскаго завоевателя. Подавленная, но постоянно занятая мыслію о своемъ освобожденіи, она уже не имѣла того досуга, при которомъ только и можетъ развиваться творческій духъ народа. Переходя изъ подъ одного владычества въ другое, принужденные стать въ оборонительное положеніе, когда надумали отнять у Римлян свои древнія владѣнія, Персы не имѣли уже возможности при Сассанидахъ посвящать довольно времени искусствамъ. Въстѣ величественныхъ и изящныхъ зданій, отличавшихъ эпоху Ахеменидовъ, теперь возникло лишь нѣсколько бѣдныхъ зданій въ Фирюзабадѣ, Сарбистанѣ и Шапурѣ. Эти безобразныя построенія, какъ доказываютъ нѣкоторые остатки, найденные въ Шапурѣ, Нах-и-Рустапѣ, равно какъ въ Гаг-и-Бостанѣ или Дарабгердѣ, были скорѣе памятниками тщеславія, нежели произведеніями искусства, уже несуществовавшаго, и званія, уже погибшаго.

Древняя жизнь уступила мѣсто новой: языческія божества были низвергнуты; по отвѣщенное въ глубь Азіи, идолопоклонство еще не потеряло тамъ своего владычества. Священный огонь не переставалъ пылать на жертвенникахъ Персидскихъ. Между тѣмъ число последователей Магомета возрастало быстро. Прологая себѣ дорогу мечемъ, Арабы вторгнулись въ Персію. Это вторженіе было вмѣстѣ и послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ древнимъ обычаямъ, духу и образу мыслей Персовъ, началомъ новаго искусства, новой, отличительной цивилизаціи, которая подъ вліяніемъ Магометова ученія должна была принять особый характеръ, нѣсколько не напоминающій дворцовъ Персеполя, или извѣстныхъ скалъ Сассанидовъ. Древняя Персія была известна своими дворцами, храмами, изваяніями; ея магометанская эпоха, царствованіе Софиевъ, представляеть намъ другое зрѣлище: въ это время фантазія и разнообразіе въ искусствахъ достигаютъ здѣсь крайнихъ предѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ вкусъ и богатство въ произведеніяхъ промышленности получаютъ сильнѣйшее развитіе. Мечети, дворцы, базары, каравансарай, мосты, оружіе, картины, матеріи различныхъ родовъ, украшенія, золотыя издѣлія, все это производится въ необыкновенномъ количествѣ, все принимаетъ самыя очаровательныя формы, покоряясь причудамъ искусныхъ и даровитыхъ художниковъ. Въстѣ съ искусствами всѣхъ родовъ процвѣтала также и литература. Поэзія, столь дорогая Персамъ, внушила въ это время Саади и Гафизу ихъ лучшія стихотворенія, Фердоуси писалъ свое безсмертное *Шахъ-наме* или *Книгу царей*. Философія и медицина имѣли также своихъ знаменитыхъ представителей, и слава Нассар-ед-Дина, Аби-иби-Пины или Авиценны, распространившаяся по всей Азіи, проникла и въ Европу. Исламизмъ открылъ для Персіи совершенно новую эру. Съ той минуты, какъ ученіе Магомета водворится въ Персію, народный гений возвеличивается, выражается въ разнообразнѣйшихъ формахъ и наконецъ распространяеть свое владычество надъ всею Азіей. Это время есть, безъ сом-

нѣна, самое блестящее въ исторіи Персидскаго искусства. Достаточно нѣсколькихъ словъ для того, чтобы опредѣлить характеръ этой эпохи и указать на памятники, свидѣтельствующіе о ея блескѣ.

Въ промежутокъ времени между остатками Ахеменидскихъ дворцовъ въ Персеполѣ и великолѣпными мечетями Софиевъ и Исфагани, въ Персію не было никакихъ памятниковъ, потому что нечего считать остатковъ эпохи Сассанидовъ, чрезвычайно рѣдкихъ и притомъ крайне жалкихъ и грубыхъ, свидѣтельствующихъ слишкомъ ясно объ упадкѣ искусства. Между величественными колоннадами Персеполя и совершенно особою роскошью, характеризующею памятники вѣка Шахъ-Аббасова, нѣтъ ничего переходнаго. Странно слышать между собою эти памятники двухъ различныхъ временъ, отлѣченныхъ другъ отъ друга разстояніемъ болѣе пятнадцати столѣтій.

Трудно понять, какимъ образомъ искусство Персидское, начавшее благородною и строгою архитектурою Персеполя, могло чрезъ пятнадцать или восемнадцать столѣтій потомъ произвести, какъ бы однимъ мановеніемъ, великолѣпныя изукрашенныя эмалью мечети Султанахъа и Исфагани. У насъ въ Европѣ измѣненія совершаются почти незаметно. Созданія искусства представляютъ здѣсь цѣпь, звенья которой плутъ безъ перерыва отъ храмовъ Греческаго стиля до зданій, воздвигаемыхъ въ наше время. Начало искусства у насъ постоянно обнаруживается во всемъ; оно видоизмѣнилось со временемъ, но никогда не было совершенно утрачено. Что же касается до Персіи, то напротивъ, можно подумать, что первый народъ, древнѣйшій обладатель этой земли, создалъ памятники Персеполя, потомъ прогнанный или даже стертый съ лица земли, онъ уступилъ мѣсто другому народу, пришедшему съ новою цивилизаціей, съ новымъ искусствомъ и распространившему его на завоеванной почвѣ, безъ всякаго вниманія къ трудамъ предшественниковъ. Огромное разстояніе между памятниками Персеполя и Исфаганскими, этотъ внезапный перерывъ въ преемственности Персидской цивилизаціи, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ глубокаго паденія народа по смерти Дарія; онъ представляется какъ бы усыпленнымъ въ это время, до тѣхъ поръ, пока новая религія не пробудила его вновь и не поставила на ноги. Теперь не было уже и вопроса о прошломъ; Персія магометанская разорвала всякую связь съ Персіею огнепоклонницею, и памятники гебрейскаго происхожденія, уважаемые какъ замѣчательные труды предковъ, были однако презираемы, какъ памятники цивилизаціи, основанной на идо-

лопоклонствѣ. Нужно было измѣнить все. Въ воспоминаніи о старыхъ временахъ были отвергнуты, и новая религія нуждалась въ новыхъ храмахъ. Но если Персіане были погружены въ глубокое усыпленіе въ эпоху, предшествовавшую исламу, ихъ національный характеръ, ихъ изобрѣтательный духъ не исчезалъ и въ это время. При внезапномъ пробужденіи, вызванномъ новою религіею, выступили вдругъ на свѣтъ и всѣ врожденныя свойства народа; но на этотъ разъ они имѣли уже дѣло съ цивилизаціей, сильно измѣненной временемъ; вкусъ ловкость, роскошь формъ и подробностей, составлявшія характеристическія черты Персидскаго искусства, имѣли уже теперь иную почву для своего проявленія. Внезапно, какъ бы по волшебному мановенію, воздвигались тогда блестящія мечети съ эмалью и разноцвѣтными куполами; смѣлыя и стройныя минареты устремились къ небу. Архитекторы, составившіе планы новыхъ зданій, и рабочие, украшавшіе ихъ безчисленными мозаиками, были также искусны, какъ и тѣ, которые строили и украшали храмы во времена Ахеменидовъ. Въ этихъ прекрасныхъ мечетяхъ наука открыла свои школы, и изъ этихъ средоточій мысли вышли и распространились по Персіи ученые, поэты, артисты, ремесленники, разнѣсшіе повсюду свои знанія, свое искусство и промышленность.

(Оконч. въ слѣд. №)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На Эриванской площади, противъ Семинаріи, въ домѣ Сусанова, въ молочно магазинѣ г-жи Фоминой продаются для любителей музыки *Ноты оперъ, этюдъ, фантазій и проч.*

ПРІѢХАЛИ: 29-го Ноября изъ Темаръ-ханъ-шуръ Подполковникъ *Давидовъ*, изъ Александрополя Капитанъ *Гольманъ*. 1-го декабр. изъ Эривани Ротм *Лорисъ-Меликовъ*. 2-го: изъ Владикавказа Генераль-Маіоръ *Богаутъ*, изъ Душега Штабсъ-Капитанъ *Полгорнаевъ*, изъ Шуши Штабсъ-Капитанъ *Лабала*.

ВЫѢХАЛИ: 29-го въ Эривань Генераль-Маіоръ *Назоровъ*, въ Москву Надворный Совѣтникъ *Иванчикій*, въ С.-Петербургъ Капитанъ *Зыбинъ*, въ Новыя Закаталы Прапорщикъ *Васильевъ*. Въ крѣп. Грозную Генераль-Маіоръ *Барятинскій* и Подполковникъ *Ольшескій*, въ С.-Петербургъ Маіоръ *Витовинскій*, и Коллежскіе Ассесоры: *Перицъ* и *Полетаевъ*. 2-го: въ Сальяны Коллежскій Ассесоръ *Шадиновъ*, въ Ахалцыхъ Капитанъ *Хрецацкиій*.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Среду 3-го Декабря:

Опера *Линда де Шамуни*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ, 1852 ГОДА.

Мѣсяць и числа по стар. стилю.	Часы	Термометръ Р°.		Сыръсть воздуха	Барометръ при 13 1/2 Р° Русск. полулив.	Направленіе вѣтра.	Состояніе Неба	Темпер. Реом	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
28-го Ноября.	7 утра.	+ 1.2	+ 0.9	0.94	578.14	В. слаб.	Пасмур. дождь.	+ 0.8	+ 3.7
	1 попол.	+ 3.6	+ 2.6	0.82	574.91	ЮЗ оч. сл.	Облачно.		
	9 веч.	+ 1.7	+ 1.4	0.94	570.98	СЗ. оч. сл.	Обл. разс.		
29-го Ноября.	7 утра.	+ 2.5	+ 1.7	0.84	569.12	СЗ. оч. сл.	Обл. разс.	+ 0.0	+ 9.8
	1 попол.	+ 7.4	+ 5.2	0.66	568.96	СЗ. сильн.	Обл. вѣтрн.		
	9 веч.	+ 4.9	+ 2.7	0.63	571.93	СЗ. оч. сл.	Обл. на гориз.		
30-го Ноября.	7 утра.	+ 3.9	+ 2.3	0.71	575.11	С. оч. сл.	Об. мѣтн.	+ 2.8	+ 7.4
	1 попол.	+ 6.8	+ 4.0	0.57	577.09	СЗ. оч. сл.	Об. на гориз.		
	9 веч.	+ 2.0	+ 0.4	0.68	579.13	СЗ. слаб.	Ясно.		
1-го Декабр.	7 утра.	+ 0.8	+ 0.6	0.96	581.01	В. слаб.	Пасм. накр д.	+ 0.2	+ 3.0
	1 попол.	+ 2.9	+ 2.0	0.82	582.97	ЮВ. слаб.	Пасмурно		
	9 веч.	+ 0.1	- 0.4	0.90	581.73	ЮВ. оч. сл.	Обл. на гориз.		

Прим.: 30 числа съ 3 ч. 51 м. до 9 ч. 24 м. утра. шелъ мелкій дождь. Количество дождевой воды 0,014 русск. дѣймовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.